

В Государственный университет —
Высшая школа экономики

Г. Д. Гловели

История экономических учений

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Рекомендовано УМО в качестве учебного пособия для
студентов высших учебных заведений, обучающихся по
направлениям подготовки 080100 «Экономика» и 080102
«Мировая экономика»*

МОСКВА • ЮРАЙТ • 2011

УДК 33
ББК 65.02я73
Г52

Автор:

Гловели Георгий Джемалович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической методологии и истории Государственного университета – Высшей школы экономики, лауреат ежегодной премии ГУ – ВШЭ «Золотая Вышка» (2010).

Рецензенты:

Гребнев Л. С. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики МГЮА им. О. Е. Кутафина;

Калмычкова Е. Н. – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Гловели, Г. Д.

Г52 История экономических учений : учебное пособие / Г. Д. Гловели. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. — 740 с. — Серия : Учебники ГУ—ВШЭ.

ISBN 978-5-9916-1025-4 (Издательство Юрайт)

ISBN 978-5-9692-1054-7 (ИД Юрайт)

Данное издание написано в соответствии с требованиями нового федерального государственного стандарта высшего образования. Пособие дает систематическое изложение основных этапов развития мировой экономической мысли от древнейших документов хозяйственного учета до современного экономического анализа, включая институционально-эволюционное направление. Центральное место отведено предыстории и истории различных систем политической экономии и формированию неоклассической микроэкономики и макроэкономики. Больше внимание, чем в прежних учебниках, уделено общенаучному контексту развития экономического анализа. Впервые представлены с необходимой полнотой историческое и аграрно-эволюционное направления в экономической мысли России.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических факультетов университетов, а также для научных сотрудников.

УДК 33
ББК 65.02я73

ISBN 978-5-9916-1025-4
(Издательство Юрайт)
ISBN 978-5-9692-1054-7
(ИД Юрайт)

© Гловели Г. Д., 2011
© ООО «ИД Юрайт», 2011

*Памяти моих родителей —
Валентины Петровны
и Джемала Гургеновича*

Предисловие

Крупномасштабные мировые экономические потрясения, как правило, дают импульс не только поискам новых экономических теорий, но и пересмотру истории экономических учений. Первый экономический и финансовый кризис, который можно считать мировым, разразился в 1857—1858 гг. За его ходом из тогдашней экономической столицы мира — Лондона — с напряжением следил мыслитель-бунтарь К. Маркс. Он посчитал кризис свидетельством того, что экономический строй, основанный на частном предпринимательстве и рыночной конкуренции, — капиталистический способ производства — столь далеко зашел в своих внутренних противоречиях, что начал катиться к крушению. Поэтому довольно скоро Маркс опубликовал книгу «К критике политической экономии» (1859), в которой ввел понятие *классической политической экономии*. Оно объединило тех мыслителей прошлого, которые вскрыли *противоречия внутренних зависимостей* капиталистического (буржуазного) способа производства — противоречия, которые сам Маркс считал неразрешимыми.

Любопытно, что в круге английских и французских «классиков» политэкономии, очерченном Марксом, не было ни одного *профессора* политической экономии. Выскочка-моряк и ирландский землевладелец У. Петти, провинциальный юрист П. Л. де Буагильбер, врач при парижском дворе королей Бурбонов Ф. Кенэ, шотландский профессор нравственной философии А. Смит, делец-биржевик из лондонского Сити и член британского парламента Д. Рикардо, женеvский историк С. де Сисмонди. Их наука для Маркса была уже недостаточна, — он пытался создать «пролетарскую» политэкономию для обоснования ниспровержения капиталистического способа производства и замены его новым, «социалистическим» строем хозяйства и общества.

Противопоставление «капитализм» — «социализм», заостренное Марксом, оказало громадное влияние не только на экономическую мысль, но и на весь ход мировой исто-

рии, особенно в двух крупнейших странах Европы — Германии и России. Но в Англии и Франции схема Маркса была быстро скорректирована. Среди «классиков» остались лишь Смит и Рикардо; но к ним, однако, были присоединены самые известные в XIX в. профессора политической экономии — француз Ж.-Б. Сэй, англичане Т. Мальтус и Дж. Ст. Милль. Общим для всех было отстаивание невмешательства государства («*laissez faire*») в «естественные» законы рыночной конкуренции, считавшиеся универсальными во времени и в пространстве.

По мнению К. Маркса, главная составляющая политической экономии А. Смита и Д. Рикардо — трудовая теория ценности. В конце XIX в. она была пересмотрена и отброшена в новой экономической концепции, ставшей результатом деятельности появившегося международного научного сообщества экономистов, охватившего разные страны Европы и США. Краеугольным камнем новой концепции стал принцип предельной (*marginal*) полезности. Ее создатели сохранили преемственность с классической политэкономией в том, что касалось трактовки законов рыночной конкуренции как «естественных» и универсальных и лозунга «*laissez faire*» (с некоторыми оговорками). Поэтому сторонников новой политэкономии, основанной на предельном принципе, стали называть (первоначально их критики) *маржиналистами* и *неоклассиками*.

Маржиналисты, отстаивая самостоятельный и теоретический характер экономического знания, заняв самые авторитетные на Западе (кроме Германии) университетские кафедры политэкономии, не придавали особого значения новым кризисам капиталистического способа производства, которые хотя и не приводили к его крушению, как предсказывал К. Маркс, но и не прекращались. Один лишь экстравагантный К. Виксель из скандинавского северного угла Европы счел теоретически значимым объяснение «великой депрессии» XIX в. — общемирового снижения цен в 1873—1895 гг. (сопровождавшегося разорением европейских фермеров). Возможно, именно поэтому экономическая мысль и общество на родине Викселя — в Швеции — оказались лучше, чем в других странах, подготовлены к «великой депрессии» XX в. — мировому кризису 1929—1933 гг.

Но ранее этого кризиса был мировой военный кризис 1914—1918 гг., который вызвал революцию в России, завершившуюся приходом к власти последователей К. Маркса.

Они провозгласили начало эпохи крушения капитализма и строительства социализма в мировом масштабе, образовали Коммунистический Интернационал и Союз Советских Социалистических Республик. Это был вызов цивилизации, основанной на принципах рыночной конкуренции, за которым после «великой депрессии» 1929—1933 гг. последовал другой вызов — со стороны германского *национал-социализма*.

Ответом маржиналистской экономической мысли на эти вызовы стала доктрина профессора Кембриджского университета Дж. М. Кейнса, который предложил не только новую «общую теорию», но и новую ретроспективу мировой экономической мысли. А именно: считать «классиками» всех тех, кто разделял (и был неправ) «закон рынков» Сэя, — будто капиталистическое предложение товаров само создает себе спрос, а предоставленная самой себе рыночная экономика является саморегулируемым механизмом. Кейнс показал, как сбои этого механизма вызывают депрессии и что нужно делать государству, чтобы вывести экономику из кризиса на «средний путь» между неустойчивым капитализмом *«laissez faire»* и государственным социализмом.

Кейнсианская консервативная «революция» стала главным событием в экономической мысли XX в. Она структурировала экономическую теорию на макроэкономическую и микроэкономическую, обеспечила ее насыщение математическими моделями и подвела базу под макроэкономическую активность парламентарных государств и систему «смешанной» экономики, ориентированную на создание «общества благосостояния».

Кейнсианская «макроэкономическая революция» позволила ретроспективно оценить масштабы и значение маржиналистской «микроэкономической революции» в теории ценности и распределения. Эта оценка была дана в самых влиятельных обобщающих трудах XX в. по истории экономических учений — «Истории экономического анализа» Й. А. Шумпетера и «Экономической теории в ретроспективе» М. Блауга.

Реализация кейнсианского макроэкономического регулирования обеспечила «золотой век» капиталистического способа производства — после второго в XX в. (и жесточайшего) мирового военного кризиса (1939—1945). 1950—1960-е гг. стали самыми успешными по темпам роста экономики и благосостояния. Широкие массы населения

на Западе получили огромные возможности для доступа не только к жизненным благам, но и к карьере через образование и государственную службу. Однако укрепившийся благодаря кейнсианскому «среднему пути» массовый «средний класс» испытал в 1970-е гг. серьезный удар от нового типа мирового экономического кризиса — не перепроизводства, как было во времена Маркса и Кейнса, а относительного недопроизводства (1973—1975, а затем 1980—1982 гг.). Это был и удар по кейнсианской доктрине, который заставил ее отступить под напором других макроэкономических и микроэкономических концепций, выступивших за восстановление отношения к экономическому строю, основанному на рыночной конкуренции и просторе для частного предпринимательства, как к саморегулируемой системе, которой вредит активность государства.

И снова пересмотру подверглась история экономических учений. Ключевая роль, которую критики кейнсианства отвели *количественной теории денег*, принципам политики центрального банка и «уплощению» шкалы налогообложения, заставила не только причислить к «классической школе» современников-соотечественников А. Смита и Д. Рикардо, философа Д. Юма и банкира Г. Торнтона, но и вспомнить крупнейшего представителя незападной общественной мысли Средневековья араба Ибн-Хальдуна. Но более всего возросла репутация загадочного европейского авантюриста-предпринимателя первой трети XVIII в. Р. Кантильона, чей «Опыт о природе коммерции» признается теперь первым системным изложением экономической теории, с включением в нее анализа предпринимательской функции и нейтральности денег.

Мировой экономической и финансовый кризис XXI в. (первый, но едва ли кто поручится, что последний) тоже уже успел изменить ретроспективу мировой экономической мысли. В свободной интернет-энциклопедии — Википедии — появилась большая статья «Возрождение кейнсианства, 2008—2009». Одна из важнейших формул Дж. М. Кейнса — *Animal Spirits* («жизнедеятельный дух») — стала заглавием бестселлера (2009, русский перевод 2010 г.) известных американских экономистов Дж. Акерлофа и Р. Шиллера. Снова актуальным оказался и К. Маркс, зачисленный было в «третьестепенные» экономисты. Попытки оформить *институционально-эволюционную альтернативу* неоклассической экономической теории приковывают внимание

к наследию основателя институционализма и эволюционизма Т. Веблена (придумавшего термин «неоклассическая теория» как оппозицию собственным взглядам). В который раз заново прочитан и истолкован А. Смит; но есть и стремление противопоставить сложившейся благодаря нему традиции «*другой канон*», связываемый с именами глашатая «политэкономии производительных сил» Ф. Листа, немца XIX в., и забытого итальянца начала XVII в. А. Серра. Наконец, едва ли какое-либо серьезное сводное изложение истории экономических учений может теперь игнорировать древних китайских реформаторов или Ибн-Хальдуна с его экономическо-психологической интерпретацией общественных изменений.

Современные стандарты экономической науки сформировались под влиянием западного мышления и еще долго будут оставаться по преимуществу таковыми. Но очевидна нестандартность экономической проблематики в тех странах, для которых «дух капитализма» (оцениваемый политэкономами XIX–XX в. по-разному, но всегда с уклоном в европоцентризм) стал не порождением собственных цивилизаций, а продуктом и вызовом западного доминирования. Поэтому растущая роль незападных стран в мировом хозяйстве будет оказывать все более сильное влияние на выбор проблем, интересующих экономистов, и на аналитический аппарат, вплоть до возможной смены концептуальных приоритетов. Отсюда важность представлений не только о материальных и духовных предпосылках экономических учений Запада, но и об экономических мотивах в контексте опыта и культурного наследия незападных цивилизаций.

Такой подход определяет выбор *исходного пункта* изложения в предлагаемом вниманию читателей учебнике: религиозные и морально-философские истоки мировой экономической мысли рассмотрены здесь в гораздо более широком контексте, чем в международно признанных пособиях французов Ш. Жида и Ш. Риста и американца Дж. К. Гэлбрейта, вышеупомянутых классических трудах Й. А. Шумпетера и М. Блауга и в продолжающем фундаментальную западную традицию истории экономических учений учебнике коллектива авторов ГУ – ВШЭ. В учебнике ГУ – ВШЭ была поставлена (и решена) задача отражения возможно более широкой палитры экономической теории XX в. и новейших достижений мировой историко-научной мысли наряду с освобождением от груза накопив-

шихся устаревших и догматических положений. Именно поэтому содержание учебника ГУ — ВШЭ стало основой нового образовательного Госстандарта по истории экономических учений, который определил задачи настоящего учебника.

Автор, который сам участвовал в создании учебника ГУ — ВШЭ, в новом учебнике старался наиболее полно выдержать линию на признание истории экономических учений частью культурного «генофонда», ценного разнообразием интеллектуальных традиций и исследовательских программ, в рамках которых могут разрабатываться разные, порой непересекающиеся предметные области и собственные аналитические приемы и методы. Помимо прочего, был учтен авторский опыт преподавания не только истории экономических учений, но и иных дисциплин историко-гуманитарного цикла на различных факультетах ГУ — ВШЭ и других вузов. Из этого опыта был, в частности, сделан вывод о необходимости компактных хронологических, биографических, социокультурных и прочих указаний ввиду того, что запоминание исторических дат и событий представляет особую трудность для сегодняшних студентов. Структура и манера изложения выбраны так, чтобы дать студенту как можно больше «опорных сигналов» для усвоения материала.

Автор также исходил из того, что курс истории экономических учений может быть сильно варьирован в зависимости от специфики вуза и факультета, места дисциплины (количества часов) в учебных планах, субъективности позиций и предпочтений преподавателей. Поэтому внутри глав, отражающих основное содержание Госстандарта, применено дробное деление на параграфы и разделы, часть которых может быть использована или нет как обязательный материал курса по усмотрению преподавателя.

Автор хотел бы выразить благодарность издательству «Юрайт» за предоставленную возможность подготовить новый учебник, который, надеюсь, будет нелишним не только для вузов, но и для российского научного сообщества.

Георгий Гловели, доктор экономических наук, профессор ГУ — ВШЭ

Часть 1

**ПРЕДЫСТОРИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Слова «**экономия**» и «**экономика**» имеют древнегреческие корни: «**ойкос**» («домохозяйство») и «**номос**» («закон»). Античная Греция (Эллада) — родина науки как осознания направления человеческой деятельности, связанного с открытием и систематизацией законов реального мира (ср. «астрономия» — наука о законах звездных миров). Научный анализ предполагает углубленное познание какой-либо области действительности (предмета данной науки), основанное на выделении отдельных элементов при отвлечении (абстрагировании) от остальных.

Предмет экономического анализа и, собственно, экономическая наука приобрели четкие очертания достаточно поздно и до сих пор сохранили унаследованные от прошлого дилеммы:

1) сводится ли экономическая наука (теория) к анализу хозяйства как автономной подсистемы общества или она должна принимать во внимание и другие аспекты общественного целого;

2) ограничивается ли экономический анализ **позитивным** выяснением закономерностей хозяйственного **сущего** или он еще и отражает **нормативные** представления о **должном** — суждения, связанные с идеалами и ценностями.

В длительной *предыстории* экономического анализа медленное накопление экономических знаний было ограничено контекстом тех или иных **канонов** (*от греч.* «κανών» — «правило»), установленных традицией или государственной властью. Таким образом, экономическая мысль была изначально **нормативной** — подчиненной религиозным предписаниям и нравственной философии (см. главу 1). Нормативным осталось и *светское*, появившееся с высвобождением (эмансипацией) научно-философского анализа из-под власти богословия на европейском Западе в XVI — XVII вв., направление мысли и действия — «**политическая экономия**». Она сперва сосредоточилась на рекомендациях по обеспечению крепости «политических тел» — государств, соперничавших за территории и обладание золотом и серебром как мировыми деньгами (см. главу 2). Но постепенно приходило осознание того, что экономические законы имеют силу независимо от государственной воли, — складывались элементы **позитивного** анализа (см. главу 3) — обобщения для будущей *научной системы* (или систем) экономических знаний.

Глава 1

РЕЛИГИОЗНЫЕ И МОРАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Экономическая деятельность, связанная с реализацией материальных интересов людей, направлена на область «от мира сего», на ее преобразование. Но священные тексты разных народов обязательно включают хозяйственную тематику, а наше время отмечено настойчивыми попытками «вписать» в круг фундаментальных положений традиционных религий ценности экономического роста и предпринимательства. Поэтому важно иметь представление, хотя бы в самой общей форме, об исторической ретроспективе религиозных предписаний относительно экономической деятельности.

Из многообразных верований, к которым восходят **нормативные** морально-философские истоки мировой экономической мысли, особо значимую роль в истории сыграли религиозно-философские традиции великих цивилизаций Средиземноморья и Ближнего Востока, Ирана, Индии и Китая. Эти традиции предшествовали либо сопутствовали возникновению **мировых религий** — христианства (с тремя его главными конфессиями — православием, католичеством и протестантизмом), ислама и буддизма. Христианство — преобладающая ныне религия Европы и западного полушария; ислам — наибольшая по распространению из религий Востока; вместе с более древними иудаизмом и зороастризмом (ограниченным теперь локальной общностью) они составляют ряд *монотеистических* религий. Но большинство населения Азии сохранило *политеистические* верования; а крупнейшие из них — индуизм, господствующую религию Индийского субконтинента, и буддизм, который в странах своего влияния часто переплетается с национальным морально-политическим учением китайцев (хань) — конфуцианством (так что говорят о «буддийско-конфуцианском ареале»).

1.1. Экономическая мысль цивилизаций Плодородного Полумесяца

Происхождение государственного сектора хозяйства.

Первыми зачатками экономической мысли можно считать сведения о хозяйственном быте народов, хранящиеся в документах-памятниках древнейших цивилизаций. Стоит помнить, что само понятие «цивилизация» (*от лат. «civitas»* — «городской») предполагает существование **городов** (укрепленных средоточий вооруженной силы, государственной власти, ремесла и торговли) в противоположность сельской округе, жители которой заняты возделыванием земли. Города как центры государственности, крупного (дворцового или храмового) и изолированного хозяйства (с ремесленным производством знаков богатства и власти, монументальным культовым зодчеством) возникли ранее всего на территориях ближневосточного «Плодородного Полумесяца». Одну его «полудугу» образуют нижнее течение Нила (с дельтой устьевых отложений) и восточная прибрежная полоса Средиземного моря с Палестиной и Финикией, а другую — междуречье Евфрата и Тигра (*от греч. «Месопотамия»*).

Разливы «великих исторических рек» — Нила, Евфрата и Тигра — обеспечивали щедрую урожайность илистых почв, но требовали массовых ирригационных работ, породивших календарные расчеты по звездам и жесткое верховное управление. Города «Плодородного Полумесяца» вырастали как резиденции верховных распорядителей земли и воды, опиравшихся на пирамиду военнослужащих и чиновников. Государственный сектор, использовавший труд захваченных в войнах рабов, возвышался над совокупностью сельских общин, в рамках которых шло расслоение на сильных и слабых хозяев. Зажиточные предоставляли бедным займы и в случае невозврата долга обращали их в рабство. Этот процесс усугублялся, когда государство положило в основу своего содержания не дворцово-храмовое хозяйство, а обложение всего подвластного населения данью. Не способные к уплате дани попадали в число рабов.

Дворцово-храмовое хозяйство и поголовное налогообложение требовали крупномасштабного учета, что привело к возникновению первых форм письменности — клинописей и иероглифов. Высеченные на скалах либо выведенные на глиняных табличках и папирусе, они донесли до нашего

времени сведения о хозяйственных порядках цивилизаций Плодородного Полумесяца.

Египет: тысячелетний опыт централизации. Вытянувшиеся вдоль Нила властно-хозяйственные городские центры были сцеплены в Египет — единое государство, которое стало контролироваться не только перераспределением созданного массовым трудом общественного продукта, но и все сферы деятельности людей. Население страны было зачислено в «свойственники» фараонов — «владык дворца», считавшихся земным воплощением богини истины и справедливости Маат. Каждому поселянину были предписаны определенный круг работ и размеры налога. Налоги собирали писцы — учетчики богатства фараонов. Сколь велико оно было, свидетельствует наличие иероглифа, обозначающего тысячу тысяч: фигура человека, поднявшего руки от удивления перед таким большим числом. Главный чиновник (чати) имел полномочия взимать в пользу государства и устанавливать границы каждого пастбища, каждого земельного надела и храмового хозяйства. Исключительно ведению верховной власти подлежали внешняя торговля и изготовление таких продуктов, как папирус (грамота была достоянием узкого круга «начальников») и ячменное пиво (первый в истории цивилизации горячительный напиток — зелье для достижения жрецами культового экстаза).

Страна фараонов просуществовала свыше двух тысяч лет (XXXI—XI вв. до н.э.), упорно восстанавливая, после нескольких хаотических периодов смут, принцип централизованного государственного управления всеми производящими хозяйствами. Наряду с государственным сектором появились и частные вельможные хозяйства, но их процветание напрямую зависело от служебного статуса и возможностей присвоения государственного имущества. Отсюда избыток предписаний и мер по надзору в законодательстве Египта.

Но удержание масс в покорности беспокоило власть сильнее, чем пресечение возможностей чиновников по изъятию части собранного богатства в свою пользу. Поэтому фараоны учили своих наследников: «Будь враждебен беднякам и возвышай вельмож».

Вавилония: тревога об имущественном расслоении. Несколько иной вариант общественного устройства сложился в Месопотамии. Она, в сравнении с долиной Нила, по географическим условиям в наименьшей степени была

предрасположена к созданию государства-долгожителя с охватом всего речного бассейна. Междоусобицы городов и открытость для нападений кочевников привели к спонтанному развитию разноплеменных царств, в которых структуры государственной централизации просто не успевали сформироваться. Наиболее выдающуюся роль играл город Вавилон («Божьи врата»), возникший (к XX в. до н.э.) в среднем Междуречье, в месте сближения изогнутых русел Евфрата и Тигра.

Клинописные законы вавилонского царя **Хаммурапи**, высеченные на базальтовой скале (XVIII в. до н.э.), отразили картину довольно сложного дифференцированного общества. Ее определяло не только государственное регулирование, но и сеть меновых отношений на основе закрепления функций меры ценности и средства платежа за драгоценным металлом — серебром (весовая единица *сикль*). Использование серебра усилило выдачу займов в долг — **ростовщичество** — и процесс обращения несостоятельных должников в рабство.

Судебник Хаммурапи зафиксировал многообразие форм землевладения (царская, храмовая, общинная, крупная и мелкая частная) и сделок купли-продажи и найма, распространявшихся на пахотную землю и другую недвижимость (сады, постройки), скот, рабов. Наем свободного труда охватывал сельское хозяйство, строительство, врачевание.

Угроза устойчивости режима со стороны меновых отношений (переход государственного имущества в частное владение, массовое обеднение) вызвала законодательное сопротивление в виде запрета продажи служебных земельных наделов и регламентации меновой ценности наиболее ходовых товаров (зерна, кунжутного масла, соли, шерсти, меди). Но предметом особой заботы Хаммурапи стали защита и избавление малоимущих соплеменников от долгового рабства. Судебник воспрещал ростовщикам самовольно забирать урожай в случае неуплаты долга, устанавливал ограничения на требования прироста долга (не более трети займа натурой или пятой части серебром) и на срок порабощения жены и детей несостоятельного должника (не более трех лет).

Свод законов вавилонского царя отразил новое понимание государственной мудрости — расширение опоры власти не только за счет военно-чиновничьей и жреческой прослойки (как у египетских фараонов), но и **попечением** о низших слоях населения. Хаммурапи провозгласил, что

всевидящий бог справедливости Шамаш («Солнце») вручил ему законы для того, «чтобы сильный не притеснял слабого». Однако справиться с пагубными последствиями ростовщичества, ставшего настоящим бичом цивилизаций Плодородного Полумесяца, не удалось.

Тора о ростовщичестве. Размах разорений и долгового рабства от ростовщичества был отражен в Торе — Законе, данном пророком Моисеем еврейскому народу, появившемуся на исторической арене в области Плодородного Полумесяца. В книге Дварим (Второзаконие), завершающей Моисеево Пятикнижие Священного Писания Танах (Ветхий Завет), всякому заимодавцу предлагается в седьмой год прощать долг соплеменнику, и при этом не быть немилостивым, отказывая в займе в приближении седьмого года. Там же содержится противопоставление прощения долга соплеменнику и взыскания долга с чужеземцев и предсказание основоположника иудаизма единоверцам: «Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» (Второзаконие 15: 3, 15: 6).

Священное Писание отразило в контексте судеб еврейского народа и судьбы цивилизаций Египта и Месопотамии, оставшихся наиболее впечатляющими из обществ, основанных на плодородии великих речных долин и бронзовом вооружении. Обе эти цивилизации не получили прямого продолжения в дальнейшей истории человечества — в отличие и от цивилизаций, заложивших основы Западного мира: иудейской и эллинской, — и от цивилизаций более отдаленного Востока: индийской и китайской. Это отличие резюмировано в понятии «Осевого времени», введенном одним из крупнейших философов минувшего XX в. К. Ясперсом (1881—1969).

1.2. Осевое время

Возникновение мировых держав. С освоением железа — металла плуга и боевого меча — на обширном географическом пространстве от афроевропейского Средиземноморья до «срединного царства» в бассейнах крупнейших азиатских рек Янцзы и Хуанхэ — наступила новая эпоха.

Возникло множество конфликтующих друг с другом «точек роста» государственности (от финикийских и грече-

ских полисов до мелких китайских княжеств). Из их числа выделилось несколько центров, давших начало крупным державам-империям. Наиболее устойчивые — Римская и Китайская — сложились на разных концах Евразии к началу II в. до н.э. Менее прочными, но более обширными были мировые Персидская и Македонская державы, укоренившие практику использования **золотых монет** как средства обращения и мировых денег.

Империи насильственно объединяли, на более или менее длительный период, под единой властью территории с разными типами естественных богатств, а также контролировали дальнюю торговлю, что позволяло за счет властного присвоения и перераспределения (дань, пошлины) редких ресурсов и избыточных продуктов увеличить масштабы и разнообразие производства и обмена.

Мировые державы, так сказать, в грубой материальной (военно-политической) форме устанавливали рамки единой человеческой истории, осуществляя выход за пределы локальных цивилизаций. Но в соприкосновении с этим процессом происходило становление **универсальности** в культурной традиции: возникли духовные движения, сформировавшие основы мировых религий и всех разновидностей философского постижения действительности.

Духовный прорыв. В эту «Осевую эпоху» (в современном летоисчислении — примерно между 800 и 200 гг. до н.э.) на мировоззренческом уровне были артикулированы «вечные вопросы» о смысле человеческого существования. В разгар кровавой борьбы за могущество и богатство, военных распрей и стремительной текучести вещей в торговых сделках человек как индивидуум открыл ограниченность и хрупкость своего бытия. Но он открыл и истоки, позволившие ему возвыситься над миром и над самим собой. Отсюда — обостренное самосознание и этический пафос, борьба за единого Бога против демонов и борьба против неистинных образов Бога.

К. Ясперс отмечал, что великие культуры «осевого времени» возникли в отдалении друг от друга. Таким образом, «посредством мировой истории Бог как бы предостерегает от притязаний на исключительность»¹. Но при этом установились рамки исторической значимости народов Запада и Востока. Дальнейшее развитие цивилизации определили

¹ *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1992. С. 49.

те, кто совершил прорыв в Осевое время (китайцы, индийцы, иранцы, иудеи и эллины), и те, кто оказался впоследствии в орбите его духовного влияния (от германцев и славян до японцев и малайцев).

Духовный прорыв Осевого времени воплотился в греческой философии, поэзии и драматургии; пророчествах Ветхого Завета; проповеди Заратустры в Иране, учениях аскетов Индии и странствующих мыслителей Китая. Были заданы рамки осмыслению действительности, в том числе и экономической. Структурирование мировой истории Осевым временем завершилось созданием могущественных империй Востока и Запада. Их духовную жизнь определяло культивирование наследства Осевого времени: конфуцианства и соперничавших с ним школ — в Китае, веданты и буддизма — в Индии, эллинистической образованности — в Европе и на Ближнем Востоке.

1.3. Экономические аспекты китайской государственной мудрости: конфуцианство и легизм

Китай: преемственность традиций. Ранние стадии развития двух крупнейших стран современного мира — Китая и Индии — часто объединяют с древними царствами Египта и Междуречья как великие цивилизации речных долин. Однако египетская и вавилонская цивилизации остались в далеком прошлом, над пластами которого происходило коренное перерождение государственности и культур под воздействием персидской и эллинистической державности, а затем мировых религий — христианства и ислама. В то же самое время народы Китая и Индии участием в прорыве Осевого времени протянули «мост» к современности, на которую продолжают оказывать влияние созданные тогда великие учения.

Китайская Народная Республика (КНР) привлекла всеобщее внимание во второй половине XX в. и начале XXI в. сначала грандиозными, отмеченными десятками миллионов человеческих жертв, экспериментами по созданию «коммунистического общества», а затем впечатляющим экономическим ростом и экспансией на мировые рынки с дешевыми товарами, помеченными клеймом *«made in China»*. Эти два столь разных образа современного Китая символизируют два государственных деятеля — «великий кормчий

китайской революции» Мао Цзэдун (1893—1976) и «архитектор китайских реформ» Дэн Сяопин (1906—1997). И через политику обоих на судьбы Китая, направляемого коммунистической партией, оказало властное воздействие наследие двух крупнейших школ китайской мысли Осевого времени — **конфуцианства** (от европеизированного варианта имени мудреца *Кун-фу-цзы*) и **легизма** (европейская калька китайского *фа цзя* — «школа писаного закона»).

Истоки обеих школ восходят к периоду раздоров, охвативших древнее земледельческое государство Чжоу. Его жители противопоставляли себя соседям-«варварам», а правители считались сыновьями всевидящего Неба.

Конфуцианский путь: дао и сяо. Династия Чжоу постепенно утратила контроль за мелкими царствами, военные столкновения между которыми повлекли падение авторитета Неба и массовое обеднение населения. Из территориальных сельских общин, обрабатывавших часть земель в пользу государства, выделилась прослойка богатых поселян, настолько притеснявших бедняков, что у тех, по летописному выражению, «не оставалось земли, чтоб воткнуть шило».

«Учитель Кун» — Конфуций (ок. 551—479 до н.э.) — был выходцем из знатной, но захудалой семьи. Он вел жизнь скромного чиновника и наставника узкого круга молодых людей, которых воспитывал как образцовых «благородных мужей», способных вести «маленьких людей» по пути истины и справедливости — *дао*. Учение о дао выдвигало на первый план не волю Неба, которое почему-то пребывает в молчании, хотя порядок в Поднебесной давно утрачен, а человека, ответственного за свои поступки. «Не путь делает великим человека, но человек может сделать путь великим». При этом дао — путь «срединный», избегающий крайностей как в индивидуальных поступках, так и в государственном устройстве. «Стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве нет дао, стыдно быть бедным и убогим, когда в государстве есть дао».

Считая себя «колоколом», избранным Небом для того, чтобы приближать Поднебесную к дао, Конфуций предлагал выстраивать должный порядок в государстве на основе *сяо* — сыновней почтительности детей к родителям, семей к старшим в общине, должностных лиц к начальникам, подданных к правительству, народа к мудрости предков. Отсюда — почитание государя и чиновников как «отца» и «старших братьев» простолюдинов, уважение к традици-

ям, соблюдение церемоний. Наставлять и контролировать народ Конфуций рекомендовал посредством убеждения, равенности в государственных расходах и заботы о более равномерном распределении богатства в стране.

Конфуцианские добродетели. Хотя Конфуций подчеркивал, что в обучении нет различий по родовитости и богатству, предпочтение отдавалось таким же выходцам из небогатой знати, как сам учитель. Образование рассматривалось как основа формирования «благородного мужа» с *пятью добродетелями*, определяющими способности к управлению: «человечностью» (подразумевалось самоусовершенствование); ответственностью за принятые обязательства; строгим соблюдением ритуалов; преданностью; любознательностью, основанной на «поиске в древности».

Меньшинство «благородных мужей» резко противопоставлялось простонародью, которому надлежит следовать за властями подобно траве, которая наклоняется, куда дует ветер.

Конфуций умер, когда раздробленность Поднебесной перешла в форму непримиримой борьбы семи сильнейших «сражающихся царств», правители которых искали новые источники опоры в сплочении вокруг себя преданных людей из незнатных семей, вознаграждаемых рисовым жалованьем за военную и чиновную службу. В этот период конфуцианство получило развитие в учениях Мэн-цзы и Сюнь-цзы, однако нашло и противников в лице Мо-цзы и легистов.

Система общинно-чиновничьего государства. *Мэн-цзы* (372—289 до н.э.) довел учение Конфуция о «благородных мужах» как советниках государя до обоснования права сановников отнимать у недостойных правителей «мандат Неба» — лишать власти, изгонять и даже убивать. Одновременно Мэн-цзы сформулировал «всеобщий закон Поднебесной» — деление на тех, кто занят умственным трудом и управляет; и тех, кто занят физическим трудом («напрягает мускулы») и содержит управляющих, — и дал схему хозяйственной основы общинно-чиновничьего государства, получившую название «колодезных полей». Предлагалось размежевание общинного поля на девять равновеликих квадратов (один — в центре, восемь — по краям), из которых внутренний подлежал совместной обработке восьмеркой семей с передачей урожая в пользу государства, а остальные участки каждая семья возделывала для себя. (Межевые границы формировали рисунок, сходный с иероглифом «колодец».)